

Терещенко Анна Васильевна

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТОПОЛЕКСЕМ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕЛЬКУПСКИХ СКАЗОК)

Статья посвящена раскрытию особенностей функционирования тополексем в селькупском прозаическом фольклоре. В работе исследуются различные типы фольклорных текстов (богатырские сказания, сказки, рассказы о священных местах, бытовые тексты); проводится анализ топонимов и гидронимов, участвующих в построении сюжета фольклорных произведений. Интерпретируется стилистический прием "метаморфоза", являющийся характерной чертой селькупского сказочного дискурса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/47.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. II. С. 158-162. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.511.2; 811.511.21; 17.71.91

Филологические науки

Статья посвящена раскрытию особенностей функционирования тополексем в селькупском прозаическом фольклоре. В работе исследуются различные типы фольклорных текстов (богатырские сказания, сказки, рассказы о священных местах, бытовые тексты); проводится анализ топонимов и гидронимов, участвующих в построении сюжета фольклорных произведений. Интерпретируется стилистический прием «метаморфоза», являющийся характерной чертой селькупского сказочного дискурса.

Ключевые слова и фразы: селькупский язык; селькупский этнос; прозаический фольклор; жанры фольклора; топонимы; гидронимы; стилистические приемы; метаморфоза; национально-культурный фон; картина мира.

Терещенко Анна Васильевна

Томский государственный педагогический университет
annadocuments1988@gmail.com

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТОПОЛЕКСЕМ В ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕЛЬКУПСКИХ СКАЗОК)[©]

За все время своего существования человек стремился объяснить необычные явления или события, создавая истории с правдоподобным сюжетом, которые передавались следующим поколениям. Обычно в такие истории добавлялся назидательный элемент или элементы драматургии. Так возникли сказки, первоначально существовавшие в устной форме и составлявшие значительную часть фольклора всех народов мира. Со временем они заняли важное место в литературном творчестве как отдельный жанр.

Сказка прошла долгий путь от восприятия фантастической действительности до символического (иногда философского) переосмысления [2]. Являясь одним из первых источников, с помощью которых ребенок познает мир и самого себя, сказка позволяет судить и делать весьма обоснованные выводы об особенностях национального характера, динамике развития общества и выработанных этносом культурных ценностях.

Специфику успешного исторического развития и бытования сказки объясняют, в первую очередь, некоторые особенности ее текстовой организации. Сказка, отображая жизнь человека и его морально-ценностные ориентиры и установки в различных их проявлениях, затрагивает многие конфликты и проблемы, через которые обычно проходит каждый человек в своей жизни. Являясь сложной многогранной системой, сказка требует комплексного изучения и анализа.

В разное время исследование сказки проводилось с точки зрения различных лингвистических подходов и направлений. Жанр сказки привлекал внимание многих выдающихся отечественных и зарубежных лингвистов, литературоведов и специалистов в области фольклористики, в числе которых Е. А. Тудоровская (1945, 1955), М. М. Бахтин (1979, 2000), Г. Л. Пермяков (1960, 1964, 1970, 1972), Э. В. Померанцева (1965, 1975). Особый интерес представляют работы В. В. Виноградова (1926) и К. И. Шпетного [26], в которых анализируются жанровые характеристики сказки. Значительное количество исследований фольклорной и литературной сказки проводилось в русле литературоведческого анализа Дж. Стивенсоном (1983), Н. Ф. Еремеевой (1997), М. Н. Липовецким [12] и В. Я. Проппом [18; 19].

Каждый сюжетно-структурный элемент (зачин, фразы-клише, серединные формулы, поучительная концовка) является неотъемлемой характеристикой жанра фольклорной сказки. Кроме того, собственные имена, в особенности топонимы и антропонимы, всегда занимали исключительно важное место в структуре как фольклорной, так и литературной сказки.

Семантика географического имени собственного (топонима) – это главный источник информации о лингво- и этнокультурном сказочном пространстве. Именно поэтому, как отмечают многие исследователи (В. В. Красных (1997, 2007, 2009), В. И. Супрун (1977, 2000), М. В. Карпенко [6; 7], Д. И. Ермолович [5], О. А. Бирюкова (2009, 2010, 2011)), в произведениях сказочного жанра практически не существует стилистически немаркированных, нейтральных собственных имен, но гораздо чаще встречаются смысловые имена [Там же, с. 76].

В сказочном жанре тополексемы являются символами, отражающими специфику народного самосознания, рефлексию нации на собственную историю и культуру. Как считает Д. И. Ермолович, «топонимы, зачастую обладая сложной смысловой структурой, уникальными особенностями этимологии и формы, способностями к изменениям, многочисленными связями с другими единицами языка, являются —камнем преткновения— при восприятии фольклорного прозаического текста, в котором они, как правило, несут особую смысловую нагрузку» [Там же, с. 115].

Сибирский прозаический фольклор представляет собой яркое и самобытное звено мировой фольклорной традиции. Это сложное и многоязычное явление, представленное произведениями устного народного творчества тюркских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских, палеоазиатских и самодийских этносов. Сказки коренных народов Сибири поражают читателей удивительным переплетением фантастического и реального, богатством вымысла, деятельными и отважными главными персонажами. В сибирских сказках нет, как правило, дидактических нравоучений, а присутствуют лишь намеки на то, как лучше поступить в той или иной ситуации [11].

В жанровом отношении даже внутри одной сибирской языковой семьи фольклор крайне неоднороден. Если произведения сказочной прозы широко встречаются у всех народов, то героический эпос и некоторые разновидности повествовательного и песенного фольклора сохранились лишь у более крупных этносов. Е. Н. Кузьмина, один из крупнейших специалистов по сибирской фольклористике и этнографии, приходит к выводу, что фольклор коренных народов Сибири изучен с разной степенью детальности. Менее всего исследованным остается фольклор самодийских и палеоазиатских народностей [Там же, с. 47]. В силу этих обстоятельств, а также учитывая факт малочисленности данных этносов, находящихся на грани вымирания, фиксация и всестороннее изучение фольклорного материала представляются первостепенной и чрезвычайно актуальной лингвистической задачей.

В данной статье речь пойдет об особенностях функционирования топонимов в прозаическом фольклоре одного из представителей самодийского этноса – селькупов. Селькупские топонимы представляют значительный исследовательский интерес. В последнее время распространенными становятся антропологический, этнолингвистический, лингвокультурологический аспекты исследования топонимов.

Несмотря на значительный интерес к селькупской топонимии в целом, специальных исследовательских работ, которые представляли бы изучение топонимов на материале сказок, в сущности, нет. Поэтому многие вопросы, связанные с выявлением роли топонимов в селькупском фольклоре, остаются недостаточно теоретически разобранными и осмысленными. Перечисленные выше утверждения определяют актуальность изучения топонимов в селькупском прозаическом фольклоре [4; 21; 22].

Сбор произведений селькупского фольклора имеет давнюю историю, поскольку одна из первых богатырских песен была записана еще в первой половине XVIII в. (1845 г.) финским исследователем М. А. Кастреном. Уже в самом названии песни «*При устье реки родился богатырь*» встречается гидроним. Одной из характерных особенностей селькупского фольклора является то, что главный сказочный персонаж, как правило, рождается в устье (в верховьях) небольшой реки, где и проводит все свое детство, занимаясь рыбной ловлей. Далее в статье будут приведены еще несколько подобных примеров, связанных с другими фольклорными персонажами [14, с. 51].

Огромная роль в сохранении и популяризации селькупского фольклора принадлежит Н. П. Григоровскому (в 1879 г. им было записано четыре фольклорных произведения, в числе которых сказка о смелом и хитроумном *Итте*), Н. Кострову (1882), К. Доннеру (1915), В. М. Пухначеву (1972). В 1950-х гг. А. П. Дульзоном было начато масштабное лингвистическое исследование селькупского языка, где сбор фольклора был наиболее приоритетным направлением. В результате исследовательской программы в 1966 г. были опубликованы «Кетские сказки», содержащие 8 фольклорных текстов и «Языки и топонимия Сибири». Сбор фольклорных текстов в дальнейшем продолжался учениками и последователями профессора А. П. Дульзона в местах проживания селькупов на р. Кеть (с. Усть-Озерное, с. Степановка, с. Белый Яр), р. Парабель (с. Нельмачь), р. Обь (с. Иванкино, с. Сондорово) и в низовьях р. Васюган (с. Каргасок, с. Старо-Югино) [Там же, с. 54-62].

Селькупский прозаический фольклор характеризуется значительным жанровым разнообразием. В литературной традиции выделение фольклорных жанров является непростой задачей, поскольку, в отличие от жанров художественного стиля, отсутствуют четкие критерии их описания. Форма изложения фольклорного текста обычно является ключом к пониманию жанра. Таким образом, можно выделить следующие жанры селькупского фольклора: богатырские (героические) сказания; сказки (в том числе сказки с главным героем-царем *амдель-кок* и волшебные сказки); рассказы о встрече людей с духами (*маджиль-ло* «лесным хозяином», *Мачын нэйд* «лесной девушкой», *квэли-кожар* «рыбой-мамонтом», *лосы* «чертями» и *лотар* «покойником»); рассказы о священных местах; лирические песни (личные песни), шаманские песни; предания о деяниях шаманов; бытовые тексты (рассказы); соционормативные рассказы и мифы [Там же, с. 68-69].

У селькупов существует немало мифов о происхождении мира и человека, строении мироздания, образовании отдельных ландшафтных объектов. В сказках часто встречаются вкрапления подобных мифологических преданий. Наличие конкретных мифов о происхождении того или иного топонима свидетельствует о том, насколько важны для селькупов были эти географические объекты. Так, горный хребет (*толлака*) считался объектом мифологизации и мог возникнуть, по поверьям, на месте брошенного гребня (*тин ы*), кремня (*шекыт пу*) или огнива (*шекы*). Если мифологический герой бросал на пути врага/преследователя точило, то оно превращалось в остров. Здесь следует упомянуть сказку «*Анга и Кеть*», записанную историком Н. А. Тучковой со слов информанта И. Карелина (с. Максимкин Яр, р. Кеть). Сказочный сюжет повествует о борьбе двух богатырей близ Богатырской горы (весьма вероятно, фольклорные мотивы отразились в наименовании топонима). Оба богатыря не докинули свое оружие до противника: копье одного из них прорубило землю и лес, тем самым создав русло реки Кеть. Топор другого силача пробороzdил землю, где и пролегла река Анга [Там же, с. 104].

Подавляющее большинство селькупских богатырских сказаний связано с появлением различного рода топонимов. Если некогда на данной территории жил богатырь, то образование возвышенностей (гор, холмов, мысов, островов или яров) селькупы обычно связывают с его деятельностью. К примеру, на месте, где от руки богатыря погибли враги, возникали горы, холмы, мысы. Если богатырь сам погибал в бою, то на месте его падения мог появиться каменный порог (или просто камень) на реке (подобный сюжет записан на р. Парабель). Типичным жилищем богатыря, как повествуют селькупские сказки, были «*мадурит карамо*» – огромные землянки, на крышах которых росли священные леса, а затем возникали богатырские острова и мысы [Там же, с. 192-193].

Один из крупнейших специалистов по самодийской этнографии Е. Д. Прокофьева записала со слов информанта П. Тетерина (1890 г.р.) еще одну интересную сказку о возникновении островов (пос. Фарково, р. Турухан).

Возникновение на р. Енисей конкретных островов северные (туруханские) селькупы связывают с фигурой сына *Нума*, который, будучи наказанным отцом, вынужден тащить по реке семь островов. Наладить дружеские отношения с *Нумом* ему помогает шаман *Кднгырсе*. Острова так и остались разбросанными по Енисею, поскольку *Нум* простил сына и разрешил оставить острова там, докуда он их донес [17, с. 71].

Особенно часто в богатырских текстах упоминаются гидронимы: иногда с привязкой к конкретной реке, иногда без (например, в одном богатырском сказании говорится: «*Раньше на каждой речке свой богатырь был*»). Появление некоторых озер на своей территории селькупы связывают со смертью богатыря: так, в с. Иванкино и с. Сондорово бытует фольклорный мотив, согласно которому под телом мертвого богатыря земля провалилась и появилось озеро (*Квэзы поргыль то*). На р. Кеть записаны тексты о трех богатырях *Калгухе*, *Урлюке* и *Зубреке* и великанше *Тяпса-Мярга*. В с. Иванкино селькупы почитают богатыря *Соксара*. В районе р. Васюган зафиксирован сюжет о двух сильных богатырях (в сказках их имена не упоминаются), которые жили по разные стороны реки и перекидывали друг другу топор через реку [14, с. 192].

Подытоживая лингвистическую информацию, полученную из селькупских богатырских сказок, отметим, что появление топонима (или гидронима), как правило, связано с действиями по направлению к земной поверхности. Данные действия имеют стремительный, ускоренный, иногда молниеносный характер: падение, бросок какого-либо предмета на землю, резкое вонзание оружия в поверхность земли и т.д.

Однако наиболее популярным героем-богатырем в селькупском фольклоре является *Итте* [23, с. 205-208]. Данный вариант имени сказочного персонажа записан на р. Кеть и может быть интерпретирован как «сын, сыночек, сынишка». Помимо указанного выше варианта на р. Чае зафиксирована форма *Итя*, на р. Парабель и р. Обь (район Нарыма) – *Идже*, *Идже-каза* [3, с. 134-138]. В североселькупской традиции имени соответствует форма *Ича*.

Итте – деятельностный герой-трикстер, который со свойственной ему смекалкой и хитростью ускользает от опасности. *Итте* очень талантлив, прекрасно играет на арфе и обладает шаманскими способностями. Водное пространство словно сопутствует *Итте*, знаменуя важные вехи его жизненного пути. В селькупских сказках найдена разная информация о реке, на которой *Итте* провел свое детство. В подавляющем большинстве текстов нет каких-либо сведений о названии гидронима или указаний на возможный ареал расположения водной артерии. Примером служит сказка, записанная на р. Чае: согласно сюжету, раннее детство и подростковые годы *Итте* прошли на глухом притоке, в низовье которого юноша впервые встретил шамана-людоеда [14, с. 130].

Информацию о детских годах *Итте* читатель обнаруживает в прологовых эпизодах, предшествующих завязке сюжета (в качестве наиболее ярких примеров сказок-завязок сюжета следует назвать следующие: «*Ловушка-дразнилка*», «*Итте и Пёнеге-шаман*» и др.). Зафиксировано только два прологовых эпизода (один из них записан со слов информанта С. Т. Нериной, 1957 г.р.), в которых приведено точное название озера *Караданбокку*, где маленького *Итте* воспитывала его единственная родственница – бабушка. Анализируя данный гидроним, можно прийти к выводу, что он относится к немногочисленной группе гидронимов/топонимов с неясной, проблематичной этимологией. В морфологическом плане отсутствие в гидрониме селькупского аффикса *то* «озеро» делает неясным отсылку топоформанта *Караданбокку* именно к этому виду водных объектов.

Взрослея, *Итте* совершает множество подвигов, путешествует, узнает мир, при этом все его деяния неразрывно связаны с гидронимами: в низовьях реки он борется с великаном-людоедом *Пюнэгуссе*; плывет вдоль берега моря, где встречает огромную птицу *Пюне*; на поверхности моря побеждает Рыбу с Шерстистым (Пятнистым) Рогом (*тари (пеккыри) амди квэлы*) [Там же, с. 127-134].

Обладая сложной композиционной структурой и смысловой законченностью, селькупские сказки представляют значительный интерес как насыщенные стилистическими фигурами и тропами фольклорные произведения. Следует особо подчеркнуть, что средства образной выразительности и фигуры речи практически не подвергались комплексному описанию на материале языков коренных сибирских жителей.

Селькупский прозаический фольклор в целом характеризует наличие такого стилистического приема, как *метаморфоза*. *Метаморфоза* – один из наиболее древних и самых эффективных стилистических приемов, который широко распространен в мифологии, фольклоре и различных жанрах художественной литературы.

Наиболее архаичный вид метаморфоз связан с тотемическими представлениями (например, в австралийской мифологии). Во многих космогонических мифах части тела убитого мифологического существа или чудовища превращаются в части ландшафта (например, из волос ацтекской богини *Тлатекутли* возникают деревья, цветы и травы, из ее глаз – водопады и источники, рот превращается в потоки, а плечи – в горные хребты и массивы) [13].

По мнению Д. Э. Розенталя, метаморфоза как стилистический прием гораздо колоритнее и динамичнее метафоры. Будучи несколько категоричнее сравнения, метаморфоза отражает процесс перехода одного явления в другое, в то время как метафора и сравнение отражают только результат [20, с. 329].

Согласно селькупским поверьям, все, что происходило с людьми, было вызвано воздействием высших сил или волшебства. Метаморфозы могли происходить не только с людьми, животными и растениями, но и с географическими объектами, ландшафтом в целом. Зафиксированы некоторые сказки, где перевоплощения подвержены явления природы. Согласно селькупским мифологическим традициям, старуха-судьба *Илынты/Илынтль кота* предопределяла все метаморфозы, происходящие с людьми [25, с. 104-128]. Обычно метаморфозы имели многоступенчатую структуру, как в приведенных ниже примерах: 1) орган тела перевоплощается в часть ландшафта: легкое (*нука*) чертовки, утопленной в озере → болотистая местность, трясина (*ымп*); 2) абстрактный предмет претерпевает изменения, превращаясь либо в другой предмет,

либо в топоним: предмет → предмет/часть ландшафтной оболочка/кольцо → котел/чум/точило → остров → земля, поросшая мхом [14, с. 94-95].

Рассматривая топонимы в селькупском фольклоре, нельзя не упомянуть о так называемых культовых топонимах, с которыми были связаны разнообразные сакральные этнические представления [9; 10; 16]. В сказочных сюжетах (часто и в бытовых текстах) нередко фигурируют *кожар* «мамонт» и *кожарыль-кы* «мамонтная река». *Кожар* (у северных селькупов *кошар*), или мамонт, – одно из мифологизированных животных, живущее в воде или земле [1]. С его существованием у селькупов связано много поверий, например, если *кожар* часто показывается людям – это предвещает катастрофы, массовые смерти, войну, грядущую беду. *Кожарыль-кы* (недалеко от Нарыма) – одно из культовых мест, находясь близ которого, селькупы проявляли бдительность. Из него не следовало ловить рыбу, а зимой ступать на его лед [14, с. 151].

Близ р. Чулым имеется еще один подобный гидроним – *Козари нуруль-то* «мамонтное озеро-омут». В мифах оно представлено как «заветное», «нечистое» место, в водах которого обитает *козари пичья* «щука-мамонт». Подобные примеры культовых топонимов в фольклорных текстах позволяют утверждать, что сфера сакрального буквально пронизывала все аспекты жизни селькупского этноса, накладывая серьезный отпечаток на культуру и навязывая определенный «алгоритм» поведения [Там же, с. 152].

Топонимы часто фигурируют в бытовых текстах, записанных со слов информантов. Для подобных текстов, как правило, не характерна сложная сюжетная канва, но они содержат ценные сведения о бытовом укладе, традициях и менталитете представителей селькупского этноса. Повествование может разворачиваться на фоне топонимов (чаще гидронимов); топонимы могут служить своеобразными природными ориентирами, позволяя селькупам верно выбирать маршрут и ориентироваться на местности. Так, в бытовом тексте «Как я рыбачить ездила» (записан Н. П. Максимовой от информанта Д. Н. Чининой, п. Каргасок, 1958 г.р.) гидроним (не указано конкретное название водного объекта, зафиксировано лишь селькупское слово *то* «озеро») служит фоном для рассказа, где носитель языка повествует о важном национальном виде промысла – рыбной ловле, особенностях рыболовных снастей и видах водного транспорта (в данном тексте – обласок, изготовленный из ствола кедра) [15, с. 147-148].

Подводя итоги, сделаем ряд выводов: пространство географических имен собственных фольклорной сказки следует рассматривать как особый микромир, в котором отображается реальная действительность, знакомая каждому человеку. Вопрос особенностей функционирования топонимов в селькупском фольклоре практически не был подвержен специальным исследованиям и требует дальнейшей комплексной доработки.

Приведенные в статье примеры подтверждают, что топонимы – часто встречающийся и практически неотъемлемый элемент селькупских сказок. Они тесно связаны с национальным менталитетом и вплетены в сюжетную линию сказочного произведения. Топонимы придают дополнительный особый колорит сказкам, способствуют лучшей передаче их содержания, создавая своеобразный национально-культурный фон. Кроме того, топонимы косвенно помогают интерпретировать контекст сказки. Не вызывает сомнений тот факт, что селькупские фольклорные топонимы – уникальный материал для изучения национальной ментальности и реконструкции картины мира коллективистского этноса.

Список литературы

1. Белич И. В., Белич Ир. В. К вопросу о культовых местах тазовских селькупов [Электронный ресурс]. URL: <http://CyberLeninka.ru/article/n/k-voprosu-o-kultovyh-mestah-tazovskih-selkupov> (дата обращения: 28.05.2014).
2. Березович Е. Л. К изучению механизмов порождения фольклорного текста (на материале топонимических преданий) // I Всерос. конгресс фольклористов: сб. докл. М.: Гос. респ. центр русского фольклора, 2006. Т. 3. 416 с.
3. Быконя В. В., Ким А. А., Купер Ш. Ц. Сказки нарымских селькупов: книга для чтения на селькупском языке с переводами на русский язык. Томск: АО «Издательство НТЛ», 1996. 187 с.
4. Волшебный мир сказок. Народные сказки. Селькупские сказки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fairytales.su/narodnye/selkupskie-skazki> (дата обращения: 26.05.2014).
5. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Валент, 2002. 200 с.
6. Карпенко Ю. А. Ономастика в художественной литературе // Ономастика: проблемы и методы. М., 1978. С. 123-128.
7. Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в художественной литературе // *Onomastica*. М., 1985. Т. 31. С. 5-23.
8. Ким А. А. О некоторых способах классификации сюжетов и героев народных сказок // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 1 (52). С. 117-120.
9. Ким А. А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск: Изд-во НТЛ, 1997. 219 с.
10. Ким А. А. Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира: дисс. ... д. филол. н. Томск: ТГПУ, 1999. 356 с.
11. Кузьмина Е. Н. Сибирский фольклор: материалы и исследования. СПб.: Изд-во Европейского дома, 2005. 299 с.
12. Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки. Свердловск, 1992. 183 с.
13. Метаморфозы [Электронный ресурс] // Энциклопедия символики и геральдики. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Метаморфозы> (дата обращения: 28.05.2014).
14. Мифология селькупов / науч. ред. В. В. Напольских. Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 382 с.
15. Полевые записи фонда Лаборатории языков и народов Сибири ТГПУ / сост. Н. П. Максимова. Томск: ТГПУ, 1983. Т. 60.
16. Полякова Н. В. Заветные места в картине мира селькупов // Альманах современной науки и образования. 2011. № 10 (53). С. 157-159.
17. Прокофьева Е. Д. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера: сборник музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1977. Т. XXXIII. С. 66-79.

18. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Изд-е 4-е. М., 2000. 309 с.
 19. Пропп В. Я. Морфология сказки. Изд-е 2-е. М., 1969. 284 с.
 20. Розенталь Д. Э. Справочник по стилистике русского языка. М.: Айрис-Пресс, 2013. 496 с.
 21. Селькупские сказки [Электронный ресурс]. URL: http://www.hobobo.ru/catalog/narodnye_skazki_byliny_skazaniya/selkupskie-skazki (дата обращения: 30.05.2014).
 22. Селькупские сказки [Электронный ресурс]. URL: http://www.teremok.in/narodn_skazki/Severn_skazki/selkupskie/selkupskie_skazki.htm (дата обращения: 30.05.2014).
 23. Тучкова Н. А. Фольклорные тексты с героем Итя в собрании А. И. Кузьминой // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 2 (130). С. 205-208.
 24. Фольклор народов Сибири Кузьминой [Электронный ресурс] // Библиотека сибирского краеведения. URL: <http://bsk.nios.ru/enciklodediya/folklog-narodov-sibiri-kuzminoju> (дата обращения: 31.05.2014).
 25. Хелимский Е. А. Самодийская мифология // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2.
 26. Шпетный К. И. Лингвостилистические и структурно-композиционные особенности текста короткого рассказа: дисс. ... к. филол. н. М., 1979. 216 с.

**THE SPECIFICITY OF TOPOLEXEMES FUNCTIONING IN FOLK PROSE TEXTS
(BY THE MATERIAL OF SELKUP FAIRY-TALES)**

Tereshchenko Anna Vasil'evna
Tomsk State Pedagogical University
annadocuments1988@gmail.com

The article is devoted to the revelation of the peculiarities of topolexemes functioning in Selkup prose folklore. In the work various types of folklore texts (heroic stories, fairy-tales, stories about sacred places, texts of everyday life) are studied; the analysis of toponyms and hydronyms participating in the plot structure of folklore works is carried out. The stylistic device "metamorphosis" which is a distinctive feature of Selkup fairy-tale discourse is interpreted.

Key words and phrases: the Selkup language; Selkup ethnos; prose folklore; folklore genres; toponyms; hydronyms; stylistic devices; metamorphosis; national-cultural background; world view.

УДК 81'1

Филологические науки

Ситуация требования, обусловленная различными прагматическими факторами, демонстрирует власть говорящего субъекта над адресатом, репрезентируя его высокий социальный статус и право, моральное или юридическое, на категоричные речевые действия, а также его способность воздействовать на разум, волю и чувства партнёра по коммуникации. Данная ситуация обладает универсальными чертами и этноспецифическими особенностями, а её семантическое пространство образуется слиянием нескольких ареалов посредством сопряжения их семантических конститuentов.

Ключевые слова и фразы: требование; категоричность; уверенность; ситуация; речевое поведение; эмоциональное состояние.

Топка Лариса Владимировна, к. филол. н., доцент
Иркутский государственный лингвистический университет
lavtop@list.ru

ПРАГМА-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОНСТИТУЕНТЫ СИТУАЦИИ «ТРЕБОВАНИЕ»[©]

Ситуация требования, обусловленная различными прагматическими факторами: обстановкой общения, статусно-ролевыми параметрами коммуникантов, особенностями их физического и эмоционального состояния, репрезентирует более высокий социальный статус говорящего субъекта в иерархии социальных отношений и его право, как правило, моральное, а порой и юридическое, на категоричные речевые действия.

Требование – это убедительное, волевое высказывание, демонстрирующее непререкаемый авторитет говорящего субъекта и его власть над адресатом. Как отмечают энциклопедические источники, в современном английском языке в самом значении лексемы *demand* заключены безапелляционность, настойчивость и, что немаловажно, право просить или приказывать – *«peremptoriness and insistence and often the right to make requests that are to be regarded as commands»; «to say in a very firm way that you want something»* [24, p. 391]; *«to ask for firmly and not to be willing to accept a refusal; claim as if by right»* [23, p. 341]. Это означает, что речевое действие человека требующего – высказывание авторитетного, статусного субъекта, обладающего правом давать распоряжения и указания, раздавать инструкции, которым должен следовать адресат *«st tement m de by person with uthority th t tells someone to do something: n instru ti on or dire ti on th t must be obeyed»* [25].